

УДК 1(091)

А. И. Виноградов

И. КАНТ И П. И. НОВГОРОДЦЕВ
В ИХ ВЗГЛЯДАХ НА СУБЪЕКТ ИСТОРИИ

Сопоставляются варианты решения И. Кантом и П.И. Новгородцевым проблемы роли и значения в историческом процессе двух его субъектов – человечества и личности. Выявляются черты сходства и различия философских позиций этих мыслителей по данному вопросу. Определяются основные линии развития Новгородцевым методологии Канта.

The article compares the approaches of Immanuel Kant and Pavel Novgorodtsev to the role and importance of humanity and human personality in historical process proposed by I. Kant and P. I. Novgorodtsev. The author analyses the similarities and differences of their positions and defines the main lines of Novgorodtsev's development of Kant's methodology.

Ключевые слова: субъект истории, человечество, личность, цель истории, общественный идеал, нравственные нормы.

Keywords: agent of history, humanity, personality, aim of history, social ideal, moral standards.

Многие философы прошлого, размышляя на тему о субъекте истории, стремились в своем представлении о нем к нахождению баланса между универсализмом (прежде всего христианским), с его ориентацией на все человечество, с одной стороны, и признанием особой роли личности как важнейшего звена исторического процесса – с другой. Найти этот баланс крайне сложно в силу как несопоставимости объема понятий «человечество» и «личность», так и значительных различий в их содержании. В результате подобное стремление заканчивалось либо сильным креном в сторону одного из понятий, либо приводило к появлению глубоких внутренних противоречий в философских системах.

До И. Канта нравственные нормы, регулирующие поведение человека, рассматривались как порожденные внешними по отношению к самому человеку силами – Богом или обществом. В результате человек оказывался заложником этих сил. Его собственное значение растворялось в значении этих высших по отношению к нему инстанций и он, следовательно, уже не мог рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта истории, но лишь как исполнитель стоящей над ним воли.

Иммануил Кант в качестве обоснования исторической роли личности использовал свои этические представления. Согласно ему, источником человеческого знания являются независимые от опыта и предшествующие ему формы чувственности, признаки которых – необходимость и строгая всеобщность [3, с. 33]. В соответствии с этим положением, моральные категории приобрели априорный характер, стали рассматриваться Кантом как не зависящие от опыта человека. Моральный поступок с этой точки зрения выглядит как результат внутреннего

императива, который не зависит от эпохи, конкретных жизненных обстоятельств, национальных или иных особенностей. То, что в представлении Канта нравственное поведение людей обуславливается автономным законом нравственной воли, придает самостоятельную ценность человеческой личности и открывает для человека область свободы, создает возможность проявления его как субъекта истории.

Попытки решить данную проблему иным образом приводили лишь к противоречивым представлениям о субъективном характере действия в истории объективных законов. Примером подобной противоречивости могут служить философско-исторические взгляды одного из идейных лидеров народничества — П. Л. Лаврова. С одной стороны, испытывая влияние позитивизма, он признавал возможность выведения социологических законов, объясняющих причины и направление прогрессивного развития всего человеческого общества. Но, с другой стороны, тот механизм, который он предлагал использовать для этого, показывает, что в понятия законов и прогресса он вкладывал весьма специфическое содержание, ставя их в зависимость от субъективных факторов. Для открытия законов развития общества, по мнению Лаврова, надо использовать «субъективный метод», который он определял как необходимость «стать на место страждущих и наслаждающихся членов общества, а не на место бесстрастного постороннего наблюдателя общественного механизма» [4, с. 39]. При таком подходе закономерность общечеловеческой истории сталкивается с непредсказуемостью эмоциональных проявлений личности, которая, как он подчеркивает, не отличается при этом бесстрашием. Совмещение закономерного и неуклонного движения общества по пути прогресса с волюнтаризмом личности выглядит весьма проблематичным.

Осознание данной проблемы порождало необходимость искать новые, более удовлетворительные подходы к объяснению исторического процесса. Именно такую разработку пыталось осуществить в самом конце XIX — начале XX в. русское неокантианство в лице прежде всего лидера московской школы философии права, одного из основателей конституционно-демократической партии Павла Ивановича Новгородцева. Это направление стремилось создать такое представление об истории, в котором могли сочетаться закономерное движение общества к определенной цели и свобода проявления отдельной личности. И решало оно эту задачу, основываясь на идеях И. Канта.

Рассматривая общество как субъект истории, Новгородцев соглашается с Кантом в том, что оно имеет цель своего развития, иначе история превратилась бы в бессмысленный процесс. При этом для обоих мыслителей было неприемлемо такое понимание цели истории, которое формулировалось представителями цивилизационно-культурологического направления философии истории, потому что в нем общая цель истории человечества совсем исчезала, так как заменялась множеством целей отдельных социальных общностей. И Кант и Новгородцев считали, что общую цель человечества нельзя упразднить, нельзя разбивать историю на множество не связанных друг с другом процессов и состояний. Новгородцев настоятельно подчеркивает необходимость такой цели для общества, нужной, «чтобы иметь критерий для различе-

ния вечных святынь от временных идолов и кумиров, чтобы знать направление, в котором следует идти» [6, с. 60].

Но в понимании характера этой цели между мыслителями имеются два существенных различия. Кант полагал, что закономерный ход улучшения государственного устройства должен привести к достижению всеобщего правового гражданского общества, а решение этой задачи зависит от установления законообразных внешних отношений между государствами [1, с. 15]. В работе «К вечному миру» (1795) Кант выражает твердую уверенность в том, что провозглашаемая им цель истории — установление вечного мира между государствами — будет достигнута: «Природа гарантирует вечный мир, но, конечно, с надежностью недостаточной, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления, но тем не менее практически достижимой и обязывающей нас добиваться этой (не столь уж призрачной) цели» [5, с. 288]. Он заявляет, что вечный мир — не пустая идея, но задача, которая, «будучи постепенно разрешаема, все ближе и ближе подходит к своей цели, так как сроки, в которые достигаются одинаковые успехи, надо надеяться, будут становиться все более и более короткими» [5, с. 309]. Таким образом, Кант понимает под целью истории практически достижимое состояние общества, к которому человечество стремится, вынуждаемое условиями своего существования.

В отличие от Канта, Новгородцев, во-первых, понимал эту цель не как реализуемую в ходе исторического процесса, а как вынесенную за естественные границы земного существования человечества. Исходя из христианских посылок, Новгородцев видел цель истории в движении человечества за пределы земного мира. В силу понимаемой таким образом цели истории (нахождении ее вне общества) она не может, например, являться задачей установления вечного мира между народами, как это виделось Канту, она вообще не может реализоваться в земной действительности.

Во-вторых, цель истории, по Новгородцеву, не представляет собой чего-то конкретного. В его трактовке цель жизни общества — это идеал, отвлеченный ориентир движения, и философия не может «ни заполнить этот идеал конкретным содержанием, ни изобразить переход к нему из мира конечных и условных явлений» [6, с. 60]. Определить путь к высшему совершенству она может лишь в общих и отвлеченных чертах. Поэтому историю, по Новгородцеву, нельзя представлять как стройный ряд, ведущий человечество по прямой линии к заключительному торжеству разума. Она видится мыслителю сложной совокупностью отдельных усилий и действий, не связанных в единую цепь. Однако из отрицания заданности общественного прогресса у Новгородцева вовсе не вытекает представление об истории как о чем-то абсолютно случайном и хаотичном, лишенном всякой логики и порядка. Он писал о том, что «как бы ни казались разорванными и случайными отдельные звенья исторического развития, все они связаны некоторым общим и высшим смыслом» [6, с. 63].

Представление о цели истории человечества как об идеале, вынесенном за пределы его земной истории, а не как о конкретном и достижимом в будущем состоянии общества, позволило Новгородцеву решить, по крайней мере, две проблемы философии истории.

Во-первых, если цель истории — это не определенное желательное состояние общества, а недостижимый идеал, то центр тяжести при рассмотрении исторического процесса переносится из будущего в настоящее. Попытки выхода из злободневных проблем происходят не стремлением привести наличную действительность к идеальному порядку, не считаясь при этом со средствами, а нахождением того, что в настоящий момент можно реально сделать для облегчения жизни людей. Новгородцев пишет, что если отнять у идеала веру в будущую гармонию жизни, то «останется политика очередных дел и социальных реформ, политика Клемансо и Бриана, Асквита и Ллойд-Джорджа». И далее он приводит слова Клемансо, характеризующие его стремление «внести немного более справедливости в этот мир» [6, с. 40–41]. Это заявление не обещает коренного преобразования общества, но зато вполне посилено для выполнения.

Во-вторых, при таком подходе одинаковое значение и собственный смысл получает каждая историческая эпоха, независимо от своего соотношения с другими. «Никогда не будет такого общественного состояния, по отношению к которому предшествующие состояния были бы только средствами. Все они носили в себе и свою цель и свое оправдание», — писал Новгородцев [6, с. 66]. Если признавать объективность существования земной цели истории, то невозможно избежать оценки исторических эпох с точки зрения приближения к этой цели. То, что Новгородцев переносит эту цель в сферу нравственности и изображает ее только как ориентир движения общества, придает каждой эпохе самостоятельное внутреннее значение. Здесь жизнь человечества как субъекта истории выглядит самоценно в каждом своем моменте, независимо от рассматриваемого периода.

Говоря об историческом значении другого субъекта истории — человеческой личности, П. И. Новгородцев также исходил из кантовского понимания морали. Он повторяет вслед за Кантом: «Действовать по идеальным мотивам вне всякой зависимости от возможных внешних результатов составляет сущность и глубину нравственной воли человека. Творить во имя нравственных связей, помимо всяких соображений о непосредственной пользе, — вот что дает человеку высшее удовлетворение» [6, с. 65].

Используя это положение в качестве методологического инструмента, Новгородцев формулирует свое представление о характере соотношения в истории общества и личности. Одна из важнейших черт философии П. И. Новгородцева заключалась в том, что отправным пунктом и центром ее рассуждений была человеческая личность с собственным нравственным выбором. Он многократно подчеркивал, что каждая человеческая личность имеет безусловное нравственное значение, в соответствии с чем «целью и критерием прогресса должно считаться понятие личности» [6, с. 67]. В этом пункте взгляды Новгородцева полностью совпадают с представлениями Канта. Оба мыслителя считали, что личность не должна рассматриваться как средство для общественной гармонии; напротив, сама эта гармония является лишь одним из средств для осуществления задач личности.

Однако, анализируя кантовскую этику, Новгородцев приходит к выводу, что в том виде, в каком ее сформулировал сам Кант, у нее недостаточно выражена практическая направленность. По мнению Новгород-

цева, «мораль в ее чистом и безусловном определении, в каком она никогда не осуществляется в действительности, это — схематический чертеж, алгебраическая формула нравственной воли» [5, с. 21–22]. С целью выхода из данного затруднения, Новгородцев считает необходимым дополнить индивидуальную кантовскую этику понятием общественного развития. Он считал, что нравственный закон надо понимать как основу для общей нравственной жизни, связывающую всех людей общей целью. Тогда автономный закон личной воли сам собою переходит в нравственную норму общения между людьми, и она становится одновременно основой личной жизни. В таком случае противоречия между личностью и обществом примиряются, а нравственная норма общения приобретает характер высшей связи, «которая как сочетание противоположностей, как нравственное их единство, имеет для общения лиц еще более значения, чем сходство их потребностей и целей» [5, с. 27].

Соотношение общества и личности носит, по Новгородцеву, сложный, диалектический характер. Он пытался уйти от такого представления, при котором эти категории наделяются самодовлеющим значением, и, как следствие, их воздействие на историю рассматривается по аналогии с механическим. Новгородцев представляет их «растущими от одного корня... — живого человеческого духа» [5, с. 318]. При этом личность выглядит не как «отвлеченное и замкнутое в себе начало, не признающее над собой никаких связей и норм», а как носитель нравственного закона, раскрывающего идеальную связь личности с обществом [5, с. 106]. Таким образом, и над личностью и над обществом есть высшие — нравственные ценности, которые устраняют их крайние проявления и регулируют их соотношение. По Новгородцеву, в области общественных явлений не может быть какой-либо другой высшей нормы, кроме той, которая должна руководить человеком в его личной жизни.

Взгляд, в котором моральные нормы заняли подобающее им место безотносительного регулятора поведения людей, дает возможность оценить смысл происходящих исторических изменений не с точки зрения отдельных социальных групп и их интересов, а на основе общезначимых ценностей. Единственными реальными ценностями — как для Канта, так и для Новгородцева — были нравственные ценности. Принципиальное единство человеческой нравственности поднимает решение вопроса сразу на уровень человечества, минуя отдельные социальные группы. Это означает, что при таком подходе статус субъекта истории не может принадлежать отдельным социальным общностям, таким как классы, нации или цивилизации. А это приводит к выводу, что они не могут рассматриваться как самостоятельные участники исторического процесса и такое право принадлежит только человечеству и отдельным людям.

Наконец, такое понимание цели исторического движения человечества, при котором данная цель не может быть одной из ступеней исторического прогресса, снимает одну из проблем, которая до этого не смогла удовлетворительно разрешиться в тех философско-исторических концепциях, в которых признавалось существование у истории цели. Это была проблема противоречия между запрограммированностью конца истории и свободой человеческой личности. Как только тот или иной мыслитель признавал предопределенность достижения человечеством

высшей цели его исторического развития, эта идея приходила в противоречие со свободой воли отдельного человека, который может не хотеть достижения обществом этой цели. В таких случаях у философов возникала, например, апелляция к «хитрости разума», который из действий отдельных людей, преследующих свои собственные индивидуальные цели, на общественном уровне создавал нечто новое по сравнению с тем, что было в их намерениях, как это было у Гегеля, или изобретались другие варианты, призванные замаскировать существующее противоречие.

Представляется, что Новгородцев сумел найти наиболее приемлемый выход из такой ситуации. С одной стороны, он не отказался от самой исходящей цели истории, чтобы избежать потери смысла исторического процесса. Но с другой — понимание этой цели у Новгородцева таково, что она при этом не подавляет и не обесмысливает человеческую активность. Наоборот, такое понимание цели открывает человеку невиданные возможности для проявления собственных сил и способностей. Такая трактовка цели ориентирует человека на вечный поиск, на вечное беспокойство, для которого нет предела. Поэтому Новгородцев и формулирует основное определение цели истории как «идеал вечного совершенствования» [6, с. 69].

Благодаря творческому развитию кантовской методологии, дополнению ее социальными представлениями, Новгородцеву удалось создать довольно сбалансированное и непротиворечивое представление о деятельности субъектов истории. Переосмысливая наследие Канта, внося в его философию оригинальный элемент, система Новгородцева, как и русское неокантианство в целом, имели хорошие философские перспективы. К сожалению, школа прекратила свое существование в послеоктябрьский период и поэтому не смогла оказать заметного влияния как на российскую, так и на мировую философско-историческую мысль. Но потенциал содержащихся в ней идей может раскрыться при современном осмыслении поднятых ею проблем.

Список литературы

1. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 6.
2. Кант И. К вечному миру // Там же.
3. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
4. Лавров П. Л. Формула прогресса Н. К. Михайловского. СПб., 1906.
5. Новгородцев П. И. Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903.
6. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.

Об авторе

А. И. Виноградов, канд. филос. наук, доц., Калининградский государственный технический университет, e-mail: andvinogradov00@mail.ru.

About author

Dr. A. Vinogradov, Associate Professor, Kaliningrad State University of Technology, e-mail: andvinogradov00@mail.ru.

